

**ИССЛЕДОВАНИЕ ФАКТОРОВ ТРАНСФОРМАЦИИ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИНСТИТУТОВ
ЭСТОНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД**

*Вайнгорт Владимир Леонтьевич,
доктор экономических наук,
член правления Консалтинга «Кардис», г. Таллин*

АННОТАЦИЯ

Рассматривается влияние на социальные институты изменений сословного, глубоко мифологизированного общества советского среднего класса в общество победившего ресентимента, а затем в общество с растущим, а ныне преобладающим классом прекариата. Показано также влияние перехода от высокоиндустриализированной экономики советской Эстонии 1990-х годов к полностью деиндустриализированной экономике услуг после вступления Эстонии в Евросоюз (с 2004 года) и влияние этих процессов на экономические институты.

Ключевые слова: социальные и экономические институты Эстонии; прекариат; институт социализации молодёжи.

**INVESTIGATION OF THE TRANSFORMATION FACTORS
OF THE SOCIO-ECONOMIC INSTITUTIONS OF THE REPUBLIC
OF ESTONIA IN THE POST-SOVIET PERIOD**

*Dr. Vladimir L. Vaingort,
D.Sc. (Economics),
Member of the Board, "Kardis" Consulting, Tallinn*

ABSTRACT

The impact on social institutions of the changes in the class-based, deeply mythologized society of the Soviet middle class into the society of the victorious resentment is examined, and then into society with the growing and now predominant class of the Precariat. The influence of the transition from the highly industrialized economy of Soviet Estonia of the 1990s to the completely de-industrialized economy of services after Estonia's accession to the European Union (since 2004) and the impact of these processes on economic institutions are also shown.

Keywords: social and economic institutions of Estonia; Precariat; Institute of Socialization of Youth.

Эстония вполне может рассматриваться работающей моделью догоняющего развития для всего постсоветского пространства. Не только из-за малого размера (где все процессы идут быстрее), но и потому, что рыночные отношения и демократический характер государственного устройства в стране развивались в 90-е годы наиболее последовательно.

И хотя Евгений Ясин однажды назвал своё большое интервью «Институты меняются медленно» [1], на самом деле, как показал опыт Эстонии, скорость этих процессов зависит от многих факторов, главные из которых определяются состоянием общественных отношений. Опираясь на понимание институтов, сформулированное Александром Аузаном в книге «Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь» [2], рассмотрим что происходило в эстонском обществе, начиная с 1991 года (когда страна вышла из состава СССР), и как происходившие изменения коррелировались с процессами в экономике.

К началу 90-х годов в Эстонии (как и в других республиках СССР) сложилось сословное сильно мифологизированное общество советского среднего класса [3]. При этом социальные порядки в обществе несли черты внутренней раздвоенности: формализованные официальные и латентные (в том числе многочисленные проявления действовавшего в стране чёрного рынка) [4].

Автор теории институальных изменений Дуглас Норт показал, что в результате социальной революции, формальные и неформальные правила продолжают движение и расходятся [5]. Азарт перемен, охвативший население Эстонии в 1991—1995 годах (в том числе и даже в первую очередь — ИТР высокотехнологичных предприятий ВПК), когда через эстонские порты хлынул из России поток цветных и чёрных металлов, удобрений, другой продукции и сырья, а также контейнерами пошло во все части света имущество морально разложившихся воинских частей, находившихся в Эстонии — позволил не только пережить деиндустриализацию страны, но даже обеспечить быстрый рост ВВП на душу населения, после обвального падения 1991—1993 годов (см. рисунок № 1).

Размер ВВП на душу населения, в долларах США

На том же графике показано, как менялось общество Эстонии в увязке с динамикой ВВП, пройдя путь от среднего класса времён «гуляш-социализма» через охвативший страну ресинтемент периода кризиса к прекариату 2014—2017 годов (численность которого продолжает нарастать).

Институциональным изменением экономических отношений в этот период способствовала угасающая динамика инвестиционного процесса. К 1990 году инвестиции в Эстонскую ССР были намного большими, чем в любую другую территорию Союза. Инвестиционная приоритетность Эстонии сохранилась и в 90-е годы.

Быстрая постсоветская приватизация (включая возможность приобретения земли), наличие высококвалифицированной и низкооплачиваемой рабочей силы, выгодное географическое положение, освобождение корпоративной прибыли от налогообложения, а также низкие кредитные ставки работавших в Эстонии шведских и финских банков в конце 90-х и начале 2000-х годов в совокупности обеспечили Эстонии внешние инвестиции в самые высокотехнологичные отрасли промышленности, а также в сферу услуг. Однако вступление Эстонии в Евросоюз в 2004 году открыло свободный переток рабочей силы, что стало главным фактором быстрого роста в Эстонии заработной платы. А это привело к уходу из Эстонии уже перед кризисом 2007—2008 годов почти всех произ-

водств на иностранном капитале. В тот же период негативно сработал фактор кредитного перегрева экономики Эстонии (в основном ипотечного кредитования). А поступления из структурных фондов Евросоюза, составлявшие около 16 % бюджета Эстонии с 2004 по 2008 год, имели чёткую направленность на инфраструктурные проекты (дороги и логистическую сеть) и развитие туристического потенциала (создание туристских хуторов, например, на месте сельхозпостроек).

То есть, помощь от ЕС шла в экономику по греческому сценарию. В результате экономический спад в Эстонии за период кризиса стал самым крупным в Евросоюзе. В 2009 и 2010 годах падение ВВП на душу населения составило более, чем по 14,5 тысяч долларов США за каждый год. Некоторый подъём в 2011—2014 годах сменился, практически, застоем в 2015—2016 годах (из-за санкционной войны между РФ и ЕС, также падением уровня жизни населения в РФ, сказавшемся на уменьшении туристского потока). Как следствие этих процессов (сопровождающихся естественным переходом некоторой части среднего класса в зону относительной бедности) в Эстонии идёт быстрый рост прекариата (опасного класса по Стэндингу) [6]. На политической арене немедленно возникла правонационалистическая «народная партия», резко отрицательно относящаяся к миграции, толерантности к меньшинствам и к Евросоюзу вообще. Партия прошла в парламент, имеет активное молодёжное крыло (пугающее таллинцев периодическими факельными шествиями). Интерес молодых к право-левому популизму понятен. Поскольку институт образования и социализации молодых людей оказался самым уязвимым в нынешней Эстонии. По данным Евростата к началу 2017 года более 30 тысяч молодых людей от 15 до 25 лет нигде не учатся и не работают. В результате высокой молодёжной безработицы во всех странах ЕС сокращаются возможности трудоустройства в «старых» странах ЕС после получения образования в Эстонии. А учиться в бакалавриатах и магистратурах центральноевропейских государств и государств Северной Европы (что сильно повышает шансы на трудоустройство

в тех странах) могут позволить себе только молодые люди из обеспеченных семей.

Размер т. н. медианной зарплаты за 2015—2016 годы по данным налогового департамента Эстонии показан в таблице № 1.

Таблица № 1

<i>Год</i>	2015				2016			
<i>Квартал</i>	I	II	III	IV	I	II	III	IV
<i>Медианная з/п, €</i>	689	753	677	757	728	794	733	813
<i>Кол-во получателей</i>	537 804	551 306	569 353	561 081	548 953	559 528	569 353	557 264

При этом у той половины работников, что получают ниже медианной зарплаты, она, в основном (до 60 %), расположена у минимально установленного государством уровня (в 2016 г. — 430 евро). При таких оплатах труда Эстония находится в десятке стран ОЭСР, где самый высокий разрыв между 10 % «бедного» и 10 % «богатого» населения. В то же время эстонская зарплата значительно отстаёт от средней зарплаты стран Центральной и Северной Европы. По данным Евростата за 2014 год средняя зарплата за 1 час в частном секторе Эстонии составляла 10,2 евро; в Германии — 31,8 евро; в Финляндии — 32,9 евро; в Швеции — 40,2 евро; в Дании 42,0 евро.

Сложившаяся ситуация по влиянию на самооценку общества и, следовательно, на все политические и социальные институты отличается от ситуации во многих других восточноевропейских странах, где не было строительного экономического взлёта, позволившего говорить в 2010—2012 годах об Эстонии, как о «Балтийском тигре». Потому обвал кризисных 2009—2010 годов превратил Эстонию в страну «победившего ресентимента» и быстрого роста прекариата, со всеми его опасностями социальной нестабильности.

Особенно пугает общество разрушение института социализации молодёжи в условиях ничтожных шансов на трудоустройство по специальности с одной стороны и современных сетевых горизонтальных связей с другой.

В ноябре 2016 года в стране сменилась правящая коалиция (правоцентристская на левоцентристскую). Новая власть взяла курс на резкое повышение внутреннего спроса путём роста доходов малообеспеченных слоёв. С 01.01.2018 размер минимальной месячной зарплаты (при 8-часовой дневной занятости) установлен в размере 500 евро. Необлагаемый подоходным налогом месячный минимум на 2018 год установлен тоже в 500 евро (в 2017 году — 180 евро). Повышены дотации разным слоям населения.

Сделана попытка поднять покупательную способность в Эстонии на 2018 год хотя бы до уровня средней по ЕС. За 2012 год в Эстонии ВВП на душу населения составлял 17 137 евро, средний по ЕС — 25 878 евро, в Финляндии — 30 578 евро.

Ожидаемый рост внутреннего спроса должен способствовать развитию малого предпринимательства. При этом в стране есть понимание, что придётся пройти между Сциллой греческого варианта и Харибдой институализации т. н. традиционных ценностей (что, на самом деле, означает венгерский вариант корпоративного государства). Прогнозировать развитие политических институтов в Эстонии трудно, поскольку результат будет сильно зависеть от выбора пути общественного развития в Германии и Франции; то есть, в целом состояния политических институтов в Евросоюзе, частью которого с неустановившимся состоянием институтов является Эстония.

Усилия эстонского правительства по обеспечению внутреннего спроса, очевидно, позволят нарастить объём производства услуг малыми предприятиями, но без новой индустриализации радикального решения социальных проблем (в том числе и особенно — молодёжных) не видно.

В среде предпринимателей есть понимание, что необходимо восстановление рынка России для эстонской продукции, роста транзита через эстонские порты и налаживания новой североевропейской производственной кооперации (включая предприятия Эстонии и Северо-Западного региона России). Требуется новая социально-экономическая институализация связей этого региона, включающая не только производственные и торговые сферы, но и сферы культуры,

образования и т. п. Что, в свою очередь, требует научного осмысления возможностей нового структурирования связей по экономико-географическому признаку.

Список литературы

1. Ясин Е. Институты меняются медленно. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://echo.msk.ru/blog/yasin/1289832-echo> (дата обращения 07.03.2017).
2. Аузан А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. – 2-е изд. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. – 160 с.
3. Денисовский Г.М., Жвйтиашвили А.Ш. Социально-структурные процессы в нерыночных системах (опыт социологического анализа). – М.: Изд-во Института социологии РАН, 2009. – 205 с.
4. Тимофеев Л.М. Черный рынок как политическая система. – Вильнюс — Москва: VIMO, 1993. – 272 с.
5. Норт Д. К. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – 180 с.
6. Стэндинг Г. Прекариат: новый опасный класс. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. – 328 с.